

УДК 821.161.1(091)

ЕВГЕНИЙ ЧИРИКОВ И ОЛЬГА ИЛЬИНА-БОРАТЫНСКАЯ О КРИЗИСЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

© Е.В.Курбакова

В статье рассматривается личностный выбор человека в кризисную для России эпоху. Материалом для анализа послужила романная проза двух авторов – Евгения Николаевича Чирикова и Ольги Александровны Ильиной-Боратынской, имевших судьбу эмигрантов первой «волны». Изданные на родине лишь в первые годы XXI века романы Е.Н.Чирикова («Зверь из бездны», «Отчий дом») и переведенные с английского языка на русский язык и вышедшие в печати в России также лишь несколько лет назад романы О.А.Ильиной-Боратынской («Канун Восьмого дня», «Белый путь. Русская Одиссея 1919-1923») в синтезе документального и художественного являют очевидную автобиографическую основу. Нарративная структура повествования способствует отражению кризиса самоопределения личности как причины, приведшей к политической дестабилизации в России в начале XX столетия. Вновь открытые для российского читателя романы Е.Н.Чирикова и О.А.Ильиной-Боратынской о личностном самоопределении в отдаленных от нас на столетие событиях истории России помогают найти ответы на многие вопросы сегодняшнего дня.

Ключевые слова: документальное и художественное, кризис самоопределения личности, гражданская война, травелог, нарратив.

*«... Примите, потомки и дети,
мой завет и чтиво его:
Тот счастливее всех на свете,
кто сильнее себя самого».*
О.А.Ильина-Боратынская
«Буду старой старухой...» (1925 г.)

Имена Е.Н.Чирикова и О.А.Ильиной-Боратынской хорошо знакомы лишь литературоведам. Широкому российскому читателю их произведения еще предстоит открывать. Между тем эти авторы принадлежат к поколениям, жившим за столетие до нас, а на 2014 год пришлось две юбилейные даты: 150-летие со дня рождения Е.Н.Чирикова и 120-летие со дня рождения О.А.Ильиной-Боратынской. Оба автора были современниками большевистского переворота, прошли через горнило последовавшей за ним Гражданской войны и познали горечь исхода из России. Свои произведения они создали в эмиграции: Е.Н.Чириков – в Чехии, О.А.Ильина-Боратынская – в Америке. Оба писателя задались целью оставить для нас – потомков – свое понимание причин, характера и последствий той великой и роковой для России эпохи. Так, в сопряжении документального и художественного появились на свет яркие характеры, в нарративных разрешениях событийного плана наделенные символическим значением. Однако пришедшие к российскому читателю лишь в начале XXI века романы о революционной России Е.Н.Чирикова и О.А.Ильиной-Боратынской не могут быть просто присоединены к хрестоматийно известной и всесторонне изученной прозе М.А.Шолохова («Тихий Дон»), М.Горького («Жизнь Клима Сам-

гина»), А.Н.Толстого («Хождение по мукам») и др. Они составляют отдельный и самостоятельный по значению корпус произведений о судьбах России на рубеже XIX-XX веков. Особенность прозы этих авторов в том, что характер рокового гражданского противостояния рассмотрен ими не с позиций безликой фатальности или в русле трактовки этих событий представителями победившей стороны, а с точки зрения весомости личностного выбора каждого человека (героя произведения) перед лицом испытаний. Иными словами, на что отважитесь – то в вашей жизни и случится. Будете последовательны и непреклонны в своем выборе – устоите. Запутаетесь, согрешите самооправданием – будете сломлены.

Авторам было непросто. Поставивший перед собой цель «рассказать, какой кошмар и ужас представляет братоубийственная междоусобица» [1: 2], Е.Н.Чириков в 1927 году пережил осуждение правых элементов русской пражской колонии по признанию «Зверя из бездны» «клеветой на белое движение» [2: 2]. Можно утверждать, что причиной столь яркого неприятия эмигрантской средой отраженной в романе картины эпохи явилась отчетливо выраженная Е.Н.Чириковым его личная позиция в отношении тех, кто долгие годы перед революцией создавал такие настроения в обществе, которые стали почвой для разрушительных и непоправимых революционных событий. Не вставая ни на чью сторону, автор показал, что в произошедшем в стране виновна не только кучка революционеров, захвативших власть, но народ в целом, наивно и несостоятельно жаждавший смены режима любой ценой

и начавший (каждый в меру своих сил и воззрений) приближать кризис легитимности политического строя за 40-30 лет до октябрьского переворота 1917 года. В романе «Отчий дом», завершённом в 1931 году, но писавшемся, по всей видимости, одновременно со «Зверем из бездны» и отражающем реальность жизни российской провинции с 1880 по 1905 год, одного из казанских земских деятелей писатель наделил программной характеристикой беспочвенного либерала: «А случилось и так, что он [Павел Николаевич Кудышев – Е.К.] изливал свое гражданское возмущение в злобной антиправительственной статье за подписью «Здравомыслящего» и направлял ее через служившего по его же протекции в земской управе неблагонадежного интеллигента в заграничную подпольную газетку» [3: 44]. Е.Н.Чириков показывает, что Павел Николаевич еще задолго до октября 1917 года уже ни во что не верил («ни в мужика, ни в близкую революцию»), но безответственно сеял смуту. Повествованию о судьбах героев «Отчего дома» писатель предпослал эпиграф из Евангелия от Луки: «...Сказал им: может ли слепой водить слепого? Не оба ли упадут в яму?» (Лк. 6: 39). «Оно и понятно, – отметил Е.Н.Чириков в романе, – обывательское гражданское мужество, неспособное на большую личную жертву подвига, направлялось всегда по руслу личной безопасности». Автору удалось доказать: причиной «смутного времени» является смута в сознании людей. Иначе говоря, революции происходят в эпохи, когда кризис самоопределения личности приобретает массовый характер.

В нестабильных условиях – а «нестабильными» в известном смысле можно считать любые условия – человек склонен менять свои ценностные ориентиры и, как правило, терять взаимосвязь между собственным внутренним «брожением» и всеобщим «хаосом». Причем, в потере смыслового «я», в возникновении условий, вынуждающих его «изменить» себе, он склонен обвинять кого угодно, но не себя самого. Однако сложившиеся условия в определенном смысле созданы им же самим и теми людьми, к чьей общности он примыкал (как ему думается – вынужденно) долгие годы, или кому не счел нужным вовремя противопоставить свою позицию. И в выборе пути человеку начинает казаться, что спасительным будет отказ от самого себя. Он прибегает ко лжи «во спасение». Но с отказом от себя – со «смертью» себя – спасения не происходит. Несколько примеров из романа «Зверь из бездны» помогут это проиллюстрировать: на вопрос казачки о ее прошлом Лада – представительница богатой дворянской фамилии – отвеча-

ет, что «в горничных у господ служила» [4: 108]; одевшийся в гражданское Борис, два года командовавший подразделением в Белой армии, на вопрос красноармейца: «Офицеры есть?» отвечает: «Этой сволочи нет у нас» [4: 97]; Владимир, совершивший весь тернистый путь Ледяного похода, несколько раз раненый, получивший Георгия от самого Корнилова, идет в бараньем тулупчике, в папаче с красной звездой и пугливо оглядывается. Е.Н.Чириков утверждает, что главная победа, которую одержал «зверь из бездны», заключается в торжестве себялюбия и самооправдания.

В подобном ключе Е.Н.Чириковым решены не только поединки идеологических сопряжений, но и развитие любовных отношений. Так, герои романа «Зверь из бездны» в самооправдании измены себе вполне правы с точки зрения формальной логики. Борис, допуская для себя возможность близости с Ладой, женой родного брата, думает: «А почему невозможно? Грех? А что такое грех? Наконец, если я просто люблю ее...» [4: 116] Наконец, если бы она была сестрой, другое дело, но ... она только формально родственница». «Чем он виноват, что Лада будит в нем страсть? И почему эта страсть подлая, а сам он – подлец?» [4: 118].

Столь же самооправдательный характер имели мысли Лады: «Пройдет еще три-четыре года и будет тридцать. Когда же вернется Володечка? Сколько еще лет будет продолжаться это томительное ожидание? А что, если Володечка давно уже разлюбил ее и разделяет восторги любви с другими женщинами?» [4: 122]. Торжество «зверя из бездны» в соитии Бориса и Лады показано в романе сразу же после получения ими известия о гибели Владимира Паромова. Смерть человека, образ которого мешал их преступной близости, воспринимается как повод к осуществлению недопустимого. Показывая, что эта победа «зверя из бездны» неслучайна, писатель дает высказаться и старшему поколению. В разговоре с Владимиром отец Лады объясняет: «Поймите, что она... что вы для нее были покойник. Кто может требовать от молодой женщины верности покойнику? Единственно, что во всей этой драме тяжело, это лишь то, что вы с Борисом – братья. Ее жизнь смята и исковеркана. И кто виноват? Она?» [4: 196]. Не является ли настроенность Лады на эту поддержку отца дополнительным стимулом к измене себе и самооправданию?

Пример полярной противоположности в личностном самоопределении представителя старшего поколения показан в романе «Канун Восьмого дня» О.А.Ильиной-Боратынской, вышедшем в свет в 1951 году. Отец главной героини,

видный деятель Казанского земства, предчувствуя роковой час расправы над ним большевистской власти, объясняет дочери свой отказ бежать из города необходимостью принять «бой» с противником: «Это не война против какого бы то ни было режима или политической партии. Это война против нового учения, чья цель убить, уничтожить Божественное начало в человеке. Мне кажется, что если мы не положим этому конец вот сейчас, здесь в Казани, т.е. в России, оно разовьется смертной заразой по всему миру. Потому что миллионы людей пойдут за этим учением. И я все время сознаю, что должен внести мою долю в эту борьбу» [5: 273]. Александр Львович Огарин, прототипом которого является Александр Николаевич Боратынский – отец писательницы, в числе нескольких тысяч «врагов» был расстрелян пришедшими в Казань большевиками.

Образ отца для Ольги Ильиной-Боратынской является символом стойкости и последовательности в своем выборе. Став в дальнейшем матерью двоих сыновей, она и им, и своим внукам смогла передать те принципы, которые были главными для Александра Николаевича Боратынского. Во введении к роману «Белый путь. Русская Одиссея 1919-1923», созданном в 1984 году, она писала об отце: «Его интересовали реформы, проводившиеся в то время в рамках земской системы. Для многих американцев стало привычным рассматривать социальные и экономические контрасты дореволюционной России чуть ли не как средневековые и считать, что высшие классы российского общества были абсолютно глухи к бедственному положению низших. Революция скрепила вечной печатью истории тот факт, что перед началом первой мировой войны социальные различия в русском обществе были очень сильны. Однако эти различия были, наверняка, не более разительными, чем те, что существуют нынче в Нью-Йорке между Парк-авеню и Гарлемом. Не все русские аристократы советовали своим менее удачливым соотечественникам питаться пирожными. Было, без сомнения, много образованных и обеспеченных людей, у которых, по русской поговорке, «опускались руки» от сознания того, какое множество проблем, доставшихся стране в наследство, предстоит разгрести. Но были и такие, кто работал над этими проблемами в меру своих сил, а некоторые посвятили их разрешению всю жизнь... Я очень горда тем, что мой отец работал с великой самоотдачей и пользой во имя социальной справедливости» [6: 10-11]. Мог ли А.Н.Боратынский в августе-сентябре 1918 года «положить конец» тому учению, опасность которого он

справедливо признавал? Не слишком ли большую цену заплатил он за свое бескомпромиссное самоопределение, отказавшись войти в число 70 тысяч человек, совершивших в те дни исход из Казани? Победил ли он противника в том «бою»? Эти вопросы, возможно, именно сегодня – в мирное время – имеют особую актуальность. Ответ автора романа очевиден, хотя и выражен имплицитно: жизнь не имеет смысла, если человеку не за что умереть. Человек, оставшийся верным себе, обессилил противника, хотя и погиб от его руки. Он утвердил свою победу не только в собственных глазах, но и в памяти детей, внуков, правнуков. Он сделал их сильнее, а они сумеют помочь тем, кто в этом нуждается.

Героиня романа «Канун Восьмого дня» Нита, судьба которой является отражением Ольгой Александровной Ильиной-Боратынской собственного жизненного пути, всегда помнила слова отца о том, что «единая цель человека – это бороться с его грубой, низшей природой и побеждать ее высшей, духовной. Но что значит такая вера, если я не готов одержать эту победу в самом себе и какой угодно ценой?» [5: 273]. Эти слова, ставшие поддержкой для дочери, были маяком и для Лорина, благодарившего Ниту за силу ее веры: «В моменты самого черного отчаяния в тюрьме я ловил себя на том, что вспоминаю сказанные вами когда-то слова, которые я слушал, не задумываясь над их смыслом. Но теперь я знал, что в любую минуту меня могут вывести и поставить к стенке, и цеплялся за то единственное, что у меня было: за вашу веру. Вообще я довольно смутно представлял себе ваше жизненное кредо, но я знал, что оно ваше и что оно сулит победу над бессмысленным хаосом, в который превратилась наша жизнь. Для меня эта ваша вера была вроде пакета с приказом из штаба. Запечатанного сургучом пакета с грифом «Секретно», который надо вскрыть в самый критический момент. Как бы то ни было, обладание им давало мне силы в тюрьме и, может быть, дает мне силы и теперь» [6: 278].

Явившийся продолжением «Канун Восьмого дня» роман «Белый путь. Русская Одиссея 1919-1923 гг.», созданный в жанровой форме травелога, Ольга Ильина-Боратынская посвятила всем, кто участвовал в «обреченной, но благородной борьбе» [6: 8] на стороне Белой армии. В этом романе Ольга Александровна показала, что даже при установившейся победе «народной» власти крестьяне помнили добро, сделанное для них земством в прежние годы, нередко с риском для своей жизни «приезжали, тайком привозя знаки своей преданности: несколько яиц, немного муки и масла, которые в деревне теперь стали так же

редки, как и в городе» [6: 295], являя тем самым возможный для каждого из них масштаб самоопределения.

Судьба страны, фамилии, семьи, человека... Способно ли самоопределение личности повлиять на их «сюжет»? Безусловно, да – отвечают своим творчеством Е.Н.Чириков и О.А.Ильина-Боратынская. И то обстоятельство, что Гражданская война привела к миллионам жертв, разрушенным судьбам и потерянным смыслам, важно не в первую очередь. Во вступлении к роману «Зверь из бездны» Е.Н.Чириков высказал мысль, которая при первом восприятии ее читателем вызывает желание возразить автору. Но следует вдуматься: эту мысль он сформулировал еще в первой редакции вступления, относящейся к 1922 году и сохраненной в дальнейшей публикации романа в 1926 году. Вот эта мысль Е.Н.Чирикова: «Пройдет сто лет – не останется на земле ни одного из нас, живущих в грозе и буре. Все пережитое нами, воплощенное в радостном творчестве... будет с непреодолимой силой притягивать к себе умы и души грядущих поколений, и они в «Великой русской революции» увидят только величественную и захватывающую поэму человечества, рождающую в них сожаление, что все это давно уже миновало, и зависть к нам – к тем, «кто посетил сей мир в его минуты роковые» [4: 8].

Возможна ли зависть к погибшим и замученным? Возможно ли желание «роковых минут» в наше мирное время «эпохи потребления»? В поисках убедительного ответа на эти вопросы может помочь наш талантливый современник Захар Прилепин, самоопределение которого наиболее очевидно в его публицистике и колумнистике. Но для корректности смыслового параллелизма уместной будет цитата из романа. В романе «Санька» (редакция 2012 г.) Прилепин пишет: «И он [Саша – Е.К.] понял – или, быть может,

ему даже приснилось понимание того, как Бог создал человека по образу и подобию своему. Человек – это огромная шумящая пустота, где сквозняки и безумные расстояния между каждым атомом. Это и есть космос. И мы точно так же живем внутри страшной, неведомой нам пустоты. Но все не так страшно – на самом деле мы дома, мы внутри того, что является нашим образом и нашим подобием. И все, что происходит внутри нас, – любая боль, которую мы принимаем и которой наделяем кого-то – имеет отношение к тому, что окружает нас. И каждый будет наказан, и каждый награжден, и ничего нельзя постичь, и все при этом просто и правильно» [7: 174]. Чтобы «огромная шумящая пустота» внутри тебя перестала быть «страшной» и «неведомой», необходимо самоопределение, которое не позволит быть сломленным и даст силы устоять в любом испытании, даже если придется погибнуть – именно об этом написаны Е.Н.Чириковым и О.А.Ильиной-Боратынской романы о роковых событиях, выпавших на долю России на рубеже XIX-XX веков.

1. *Чириков Е.Н.* Мой ответ по поводу «Открытого письма к Е.Н.Чирикову» // Возрождение. – 1927. – 20 янв.
2. *Струве П.Б.* По поводу «Открытого письма к Е.Н.Чирикову» // Возрождение – 1927. – 6 янв.
3. *Чириков Е.Н.* Отчий дом. – М.: «Эллис Лак 2000», 2010. – 832 с.
4. *Чириков Е.Н.* Зверь из бездны: Поэма страшных лет. – Минск: ТетраСистемс, 2000. – 368 с.
5. *Ильина-Боратынская О.А.* Канун Восьмого дня. – СПб.: Славия, 2012. – 352 с.
6. *Ильина-Боратынская О.А.* Белый путь. Русская Одиссея 1919 – 1923. – М.: Аграф, 2013. – 400 с.
7. *Захар Прилепин.* Санька. – М.: АСТ: Астрель, 2012. – 352 с.

EVGENY CHIRIKOV AND OLGA ILYINA-BORATYNSKAYA ON THE CRISIS OF SELF-IDENTITY

E.V.Kurbakova

The article discusses the issue of personal choice in the era of crisis for Russia. The novelistic prose of Evgeny Chirikov and Olga Ilyina-Boratynskaya, two émigré writers of the first wave, served as a basis for the analysis. The novels by E.N.Chirikov ("The Beast from the Abyss", "Home"), published at home only in the first years of the 21st century, and the novels by O.A.Ilyina-Boratynskaya ("The Eve of the Eighth Day", "The White Way. The Russian Odyssey of 1919-1923"), translated into Russian and published in Russia a few years ago, reveal their autobiographical basis in the synthesis of non-fiction and fiction. The narrative structure of the story line contributes to the reflection of the crisis of self-identity as a reason for political instability in Russia in the early 20th century. Newly opened for the Russian reader, the novels by E.N.Chirikova and O.A.Ilyina-Boratynskaya are devoted to the issue of personal self-

determination in the events of Russian history a century remote from our times, however, they help to find answers to many questions of today.

Key words: fiction and non-fiction, crisis of self-identity, civil war, travelogue, narrative.

1. *Chirikov E.N.* Moy otvet po povodu «Otkrytogo pis'ma k E.N.Chirikovu» // *Vozrozhdenie*. – 1927. – 20 yanv. (In Russian)
2. *Struve P.B.* Po povodu «Otkrytogo pis'ma k E.N.Chirikovu» // *Vozrozhdenie* – 1927. – 6 yanv. (In Russian)
3. *Chirikov E.N.* *Otchiy dom*. – M.: «Ellis Lak 2000», 2010. – 832 s. (In Russian)
4. *Chirikov E.N.* *Zver' iz bezdny: Poema strashnykh let*. – Minsk: TetraSistems, 2000. – 368 s. (In Russian)
5. *Il'ina-Boratynskaya O.A.* *Kanun Vos'mogo dnya*. – SPb.: Slaviya, 2012. – 352 s. (In Russian)
6. *Il'ina-Boratynskaya O.A.* *Belyy put'. Russkaya Odisseya 1919 – 1923*. – M.: Agraf, 2013. – 400 s. (In Russian)
7. *Zakhar Prilepin.* *San'kya*. – M.: AST: Astrel', 2012. – 352 s. (In Russian)

Курбакова Елена Викторовна – доктор исторических наук, кандидат филологических наук, профессор кафедры культурологии, истории и древних языков Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А.Добролюбова.

603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина, 31 «а».
E-mail: art.s@list.ru

Kurbakova Elena Victorovna – Doctor of History, PhD in Philology, Professor, Department of Cultural Studies, History and Ancient Languages, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A.Dobrolyubov.

31 "a" Minin Str., Nizhny Novgorod, 603155, Russia
E-mail: art.s@list.ru

Поступила в редакцию 15.05.2014